

История русского дворянства.

Несмотря на прочно установившееся у нас мнение, что русское дворянство по своему происхождению совсем молодо, — мое мнение, что начинать его историю надо с глубокой древности, т.е. с того же времени, когда образовалось еще Русское государство и из дальнейшего положения, я думаю, будет вполне ясно, что в этом отношении я безусловно прав.

Раньше чем перейти к выяснению вопроса о происхождении русского дворянства, я остановлюсь несколько на вопросе о происхождении дворянства, как высшего сословия вообще.

Изучая отдельные факты в жизни всех народов, мы сталкиваемся с более мелкими единицами, чем народ, с теми его частями, которые, собственно говоря, и делают историю, т.е. с отдельными личностями, отдельными семьями, отдельными родами, отдельными собраниями людей, отдельными учреждениями, созданными для улучшения общественного быта, — но в основе всего этого, несомненно, лежит отдельная личность, которая так или иначе, но, несомненно, влияет на самый ход истории своего народа, особенно когда отдельная личность не поглощена еще высшим авторитетом государства и может проявлять свои наклонности, свою энергию, свою инициативу.

Личность — это есть та ячейка, из которой вышла семья, превратившаяся сначала в род, затем постепенно образовавшая родовой союз-племя и, наконец, государство, как высшую форму общежития, которое в конце концов поглотило, растворило в себе как отдельные семьи и роды, так и отдельные личности, подчинив их совершенно своему авторитету и своей власти.

Отдельная личность — это тот атом, из которого возникло и постепенно сложилось современное государство.

Эта личность и легла в основу образования

высших классов во всех государствах мира, так как высшие классы основаны всегда на выдающихся качествах отдельных лиц, составляющих их основу.

Поступки отдельной человеческой личности — это есть главные двигатели истории. Отдельная личность является продуктом той среды, в которой она вырастает и которая ее создала, при этом личность является только носителем тех идей, которые гнездятся в семье, ее воспитавшей, является только более талантливой, более яркой Представительницей своей семьи, которая, в свою очередь, является только выразительницей, может быть, иногда еще и не совсем точно определенных стремлений и не совершенно еще ясных идеалов своего народа.

Всегда и всюду более энергичный член общества выделяется из общей массы населения, получает некоторые преимущества перед другими, этими преимуществами, конечно, пользуется отчасти и его дети, находя поддержку в выдающемся значении своих отцов, но в замен получаемых преимуществ и к ним уже предъявляются со стороны массы некоторые требования, в виду их происхождения от лица с выдающимися дарованиями; таким образом, известной группой лиц приобретаются некоторые исключительные права, до известного времени закрепленные только одним обычаем, а затем уже закрепленные и законом, и в результате получается уже класс привилегированных людей.

Приобретая чисто духовные преимущества, этот класс, конечно, начинает постепенно распорядиться и судьбами своего народа и вместе с тем постепенно приобретает и материальное преимущество, как естественное последствие первого, и постепенно образуется уже класс землевладельческой знати. Эти, в начале личные, преимущества постепенно превращаются в наследствен-

ные, и высший класс или, как его принято называть, дворянство, приобретает уже вид особого привилегированного сословия. Так сложилось высшее сословие во всем мире.

Для того, чтобы определить первоначальный состав древне-русского боярства, — будем так называть тот высший слой населения, который вполне образовался уже в то время, которое соответствует времени легендарного призвания Рюрика, — нам необходимо возвратиться несколько назад — к тому времени, когда, согласно летописям, а также и большинству наших историков, на месте России было что-то в роде пустого места, был какой-то хаос, из которого впоследствии и вывел страну этот мифический Рюрик. Оставляя совершенно в стороне вопрос о действительности призвания новгородцами иноземца Рюрика и его дружины, мы только выскажем свое мнение, что пустого места не было, а было известное государственное устройство, которое и продолжало называться, вне зависимости от призыва чужеземных князей, если таковой призыв был в действительности.

Историю высшего класса в России мы начинаем от глубокой древности, и для его начала мы должны возвратиться к первообразу государства, к той ячейке, из которой оно вышло, т.е. к семье. Мы находим ее у всех народов, когда они находились еще в первобытном состоянии, и когда глава семьи распоряжается всеми членами семьи по своему личному усмотрению, и когда каждое семейство являлось еще как бы отдельным независимым государством, где отец или старейший являлся его главой — это была первая ступень; второй ступенью в дальнейшем развитии взаимных отношений населения являются родовые союзы, т.е. союзы отдельных семейств, происходящих от одного родоначальника и соединившихся под властью этого родоначальника или же старшего в роде. «Полянам же, живущим особе, и владеющим роды своими, яже и до сея братья бяху Поляне, и живяху каждо родом своим, на своих местах», т.е. мы видим здесь то же, что происходит с живой органической клеточкой при ее размножении. В родовом союзе глава его распоряжается уже при посредстве отцов семейств или их старших представителей, т.е. при главе союза образовывается совет старейшин и появляются первые признаки гражданского устройства, из которого постепенно образовывается новая общественная группа — племя, обнимающее уже несколько родов одного происхождения. Подобное устройство в некоторых местах сохранялось очень долго, особенно характерно, это видно у кельтов, где каждый отдельный кельт был членом определенной родственной группы, составлявшей потомство одного родоначальника, и являлся носителем идеи рода. Как пример подобного родового устройства является Шотландия с ее делением на кла-

ны (клан означает дети, потомство). Несомненно, что подобное же устройство было и у славян, так как в летописях мы встречаем указания на роды, что можно видеть и из только что приведенной мною выдержки. Подобное же родовое устройство существует еще и теперь у балканских славян, у которых несколько семейств, имеющих одно происхождение, составляют одно братство, несколько братств составляют «нахию», эта нахия имеет свое собрание и своего старшину, избираемого в потомстве одного лица, т.е. власть старшины является наследственной, но не по праву первородства а по избранию. Нахия имеет свою территорию, свои леса. Братство имеет свою церковь, кладбище, причем священнослужители должны происходить из этого же братства, имеет своего святого, имя которого празднуется. Члены братств не имеют прав вступать между собою в брак.

Почти то же представляет из себя болгарская «Задруга», которая есть не что иное, как родственный союз совершеннолетних лиц с их нисходящим потомством, во главе которого стоит лицо, носящее название «домакина». Таким образом, как мы видим, принадлежность к одному роду является связующим звеном; постепенно с увеличением числа отдельных родов они, как я говорил преобразовывались в родовые союзы — здесь уже интересы семьи и рода начинают уступать интересам племени, интересам общественным, появляется волость — этот первый тип государства, семейный совет заменяется вече, во главе волости появляется князь, появляются должностные лица, при князе образуется дружина, начинают образовываться особые классы населения, из которых впоследствии сложились сословия, из которых постепенно выделился особый служилый класс, пользовавшийся особыми выгодами и преимуществами в награду за свою службу в начале одной верховной власти, т.е. князю, а затем и государству.

В громадном большинстве стран этот служилый класс является результатом завоевания. — Так в древнейших государствах — в Индии появился класс браминов, в Риме высший класс — патриции образовался из потомков первых переселенцев-сподвижников Ромула, за тем уже к ним присоединились знатнейшие сибирские и этрусские роды, во Франции дворянство явилось потомством франков, завоевавших в V ст. Галлию, в Англии — потомством завоевателей англосаксов и т. д.

В этом отношении русский служилый класс не походит на своих иноземных собратий, хотя в дальнейшем своем развитии история русского дворянства во многом и сходна с таковой же западного. В древней Руси, произошло совершенно естественное выделение высшего служилого класса из общей народной массы, причем главными его составными элементами было зем-

ское боярство и княжеские дружины, влившие несомненно и пришлый иноземный элемент, т.к. мы имеем указания на то, что они имели весьма пестрый племенной состав: здесь мы находим и варягов, и чудь, и славян, и полян, и кривичей, и печенегов, и хорватов, и мерян, и древлян, и хозар, и алан и т. п.

Так Владимир святой, идя на Рогволода, собрал «вои многи, Варяги и Словени, Чюдь и Кривичи», а в новые города сажает «мужи лучшие от Словен от Кривич и от Чюди и от Вятич»

Существует мнение, что началом политического устройства страны и вместе с тем началом образования служилого класса на Руси было появление Рюрика с братьями и их дружин, т.е. приурочивается это ко второй половине IX ст., но с этим, как я упомянул выше, никоим образом согласиться нельзя, а нужно признать, что Рюрик, если признать самый факт его существования, застал уже готовый государственный строй. Мы знаем, что существовали города как Киев, Новгород, Смоленск, Любеч, Воровичь, Вышгород, Витичев, Переяславль, Полоцк. Существовали племена, которые управлялись своими туземными князьями; летописец говорит, что по смерти Кия и его братьев «держати почаша род их княженье в Полях; в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а Словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже Полочане; от них же Кривичи, иже сядят наверх Волги и наверх Двины и наверх Днепра, их же град есть Смоленск». Если признать показание летописца относительно существования Кия недостоверным, то упоминание о племенных княжениях в эпоху до Рюрика весьма ценно, и с ним мы должны считаться, тем более, что и дальнейшие сведения подтверждают это; так мы знаем имена Аскольда и Дири, Мала, Рогволода, наконец, летопись говорит: «по тем городам сядяху князья под Ольгом суще»; что это за подвластные Олегу князья, как не туземные, подчинившиеся новым пришельцам.

История знает, что в V веке по склонам Карпатских гор сидело племя «Склавены», которые в течение VI века громили Византию, переплавляясь через Дунай, причем нападение на Византию происходило не всем племенем, а организованными дружинами.

Все это доказывает, что во второй половине IX ст. славянские племена имели уже свое государственное устройство и настолько высокую культуру, что поглотили иноземные дружины своих завоевателей, которые растворились совершенно в общей массе. Варяжские князья, призываемые для службы, ничего не принесли в страну и, подчинив ее своей власти, не внесли в ее жизнь никаких существенных изменений.

Мы, впрочем, не одни в своем мнении о существовании туземных князей, а также и в том,

что пришельцы, кто бы они ни были — норманы или нет, не внесли ничего существенного в существовавшее уже государственное устройство; этого мнения придерживаются, между прочим, Д. И. Иловайский, И. Е. Забелин и С. Е. Платонов, который говорит: «рядом с вечем, независимо от призвания варяжских князей, в различных местностях Руси мы видим существование княжеской власти. В Плоцке был свой князь, у древлян были князья, о которых летописец говорит, что они «добре суть», Аскольд и Дир были никем иным, как такими местными князьями, неизвестно откуда пришедшими. Олег уничтожил их, но он же требовал с греков дани не только на дружину свою, но и на города: «по тем бо городам сядяху великий князи, под Ольгом суще».

Трудно объяснить власть и происхождение этих князей, из которых одни носят характер городских охранителей, другие — племенных вождей. Несомненно одно, что русские славяне на первых порах составили ряд мелких политических миров и управлялись; двумя властями: властью городских вечей и властью городских и племенных князей. На рубеже IX и X веков эти мелкие миры были соединены в одно политическое тело силами и способностями новгородского князя Олега.

Наличность туземных князей говорит и о существовании дружин, а с другой стороны, мы из летописи знаем о существовании «лучших» или «нарочитых» людей, державших Древлянскую землю, мы знаем «старейшин» и «градских старцев», которые, по мнению проф. Ключевского, были крупнейшими представителями торгово-промышленного класса и которых внешние обстоятельства заставили вооружиться, т.е. превратиться в военно-торговую аристократию, которая взяла в свои руки управление. Уже при первых князьях — Рюриковых, состав аристократического населения был довольно велик, так Константин Багрянородный, описывая торжественный прием княгини Ольги в Константинополе, говорит, что с нею было пять дружинников князя Святослава, восемь русских князей, восемнадцать русских княгинь и двадцать два посла из русских князей; в другом месте читаем: «Послание от Игоря великого князя русского, и от всякого князя», все эти князья или княжье легло в основание русского боярства, и несомненно они принадлежали более народу, чем потомство Рюрика, это все корни неведомых нам дерев, имена их, Ты, Господи, веси.

Весьма вероятно, что в IX веке уже было и частное землевладение, хотя мы и не имеем на это прямых указаний. Земель свободных было много, способ их завладения был весьма прост — займка, займанщина или вольница — «кто бере, тот и оре», но для приведения этой земли

в культурное состояние нужны были средства, нужны были рабочие руки, а тем и другим опять-таки располагали только те «старцы, которые были богатейшими людьми в городах и вели торговлю». Примером этого может служить история Великого Новгорода, где высший класс — боярство был одновременно и купцом, и землевладельцем, и воином, пользовался огромным влиянием в стране и фактически управлял областью, не имея юридически никаких особых прав и преимуществ перед другими классами населения, занимал все высшие должности, что делалось по обычаю, никогда не нарушавшемуся вечно. Прямое же указание на частное землевладение мы имеем только в XII веке: «И разграбиша Кияне с Изяславом дома дружины Игоревы и Всеволоже, и села, и скоты, взяша именья многа в домах», — говорит Ипатьевская Летопись под 1146 г., что показывает нам о существовании земельной собственности в это время (купчая Антона Римлянина с 1147 г.): Русская Правда, юридический памятник того же времени, говорить уже о межах и перетесах (знаки частной собственности на деревьях), так Русская Правда назначает виру в 12 гривен «иже между переорет».

В XII веке крупное землевладение приобретает часть государственных прав, вотчинники имеют право суда, собирают дань и пошлыны или, как говорят грамоты, владеют «с данью, с вирами и с продажами».

История в это время находит земское боярство, владевшее вотчинами, т.е. землями, полученными по наследству, почему мы можем считать к этому времени частную земельную собственность институтом вполне окрепшим и вошедшим в народное сознание и в жизнь.

Вначале на земле сидело одно земское боярство, а княжеские дружины, по своему прямому назначению служить князю, были элементом слишком подвижным, как и сами князья, чтобы стремиться также сесть на земле, но с течением времени, когда потомки Рюрика стали более оседлыми и известные области оставались в потомственном владении одной и той же княжеской семьи, то и взгляды и привычки дружинников изменились, и мы видим, что князья в награду за службу начали раздавать земли и, таким образом, дружина князя начала постепенно оседать на местах, а земское боярство, видя усиление княжеской власти, старалось приблизиться к особе князя, искало в нем поддержки своего значения и защиты своих интересов. Интересы земли смешивались с интересами службы, результатом чего произошло в начале сближение, а затем и слияние местного земского боярства с боярством княжеским, духовная сила слилась с силой физической и это все сгруппировалось около личности князя.

При Владимире святом, мы знаем, те и дру-

гие присутствовали в великокняжеском совете, так как Владимир созывал «бояре свои и старцы градские», но здесь эти старцы, т.е. представители земских интересов страны, становились уже на второе место, впереди стояли новые люди, представители силы, бояре-дружинники князя, хотя и созданные не без участия самого земского боярства.

Дружина не является учреждением древне русской жизни, она принадлежит всем народам Европы, политическая жизнь которых слагалась почти одинаково. Дружина — это ближайшие соратники князя, это небольшое ядро княжеских войск, интересы дружины тесно сплетены с интересами князя и обратно; «а ты добудешь и мы», — говорит дружина Игорю, «сребром и златом» — говорит Владимир, — «не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, якоже дед мой и отец мой доискался дружиною злата и сребра»

И мы видим, что дружина всегда разделяла участь своего князя, она делила как удачу, так и горе, так Владимир Мономах, изгнав из Владимира Ярополка Изяславича, «мать Ярополчю и жену его и дружину его приведе Киеву и именье возьмь его», тоже и Андрей Боголюбский, взявши Киев у Мстислава Изяславича, «княгиню его яша и сына его и дружину его изымаша» и подобных показаний в летописях мы находим целую массу.

С усилением власти князя падало значение земского боярства, его всецело вытеснило и заменило боярство княжеское, втянувшее в себя самых выдающихся и энергичных, представителей земщины, все остальное отпало и превратилось в низшие классы населения.

Уже в XI веке в дружине начинают проявляться признаки иерархического деления и здесь выделяются более сильные элементы и образуют старшую дружину, или княжих, мужей, младшая же дружина уже носит, наименование *детских, отроков*, надо думать наименование, послужившее основанием для позднейшего наименования детей боярских.

Таким образом появляются первые признаки разделения на классы, выделение боярства и дворянства. Хотя принадлежность дружины не была наследственным правом и от воли князя зависело принять того или другого, даже смерда, на свою службу, но несомненно, что уже в это время складывалось ядро будущего русского боярства и дворянства, — «Новгородцы же послаша за князем владыку с большими бояры и челобитьем и вотиша князя Ярослава с Броннича» (Соф. лет. I, 195, 1269 г.). Воскресенская летопись, перечисляя убитых в битве с Мамаем (1380 г.), говорить: «Здесь же не всех писах избиеных имена, токмо князи и бояре, нарочиты и воеводы, а прочих бояр и слуг оставив имена, не писах множества ради имен: мнози

бо на той брани побиены быша». В этих двух выписках мы имеем указание на больших бояр и можем только уже вывести заключение, что, значить, должны быть и меньшие, но под 1406 г. в духовной грамоте митрополита Киприана мы находим и тех, и других (Воскресен. лет.): «Боярам великим же и меньшим и з женами и з детьми их и всему христианскому народу оставлю мир и благословение».

С развитием идеи государства и с усилением княжеской власти естественным образом суживались права других классов, которые стали зависимы от воли государя и постепенно превратились из совершенно свободных в тяглых; первым крепостным классом на Руси был несомненно служилый класс, потерявший вначале возможность перехода от одного князя к другому, так как власть начала сосредоточиваться в одних руках, и более слабый князь, конечно, не мог принять к себе на службу служилого человека более сильного князя, таким образом свободный переход на службу прекратился сам собою, а затем на него уже стали смотреть как на измену. Крестьянское же население все еще продолжало пользоваться свободой перехода и только в XVII в. было окончательно прикреплено к земле. Чем дальше развивался процесс собирания Руси, тем трудней было служилому классу. С разделением Руси на удельные княжения появились и отдельные дружины, группировавшиеся около отдельных князей, но они связаны были лишь договорами; это была личная повинность перед государем, пока этот государь исполнял принятые им на себя обязательства. «А боярам и слугам меж нас вольным воля», вот как определялось отношение дружинников к князю в удельный период нашей истории, т.е., мы видим то же, что и было на западе при его феодальном устройстве, но затем постепенное уничтожение уделов суживало права дружины и стесняло возможность свободного передвижения. Мы видим, что Русь начинает собираться в великие княжения, которые поглощают мелкие уделы, а затем централизация идет еще дальше, в приокском крае появляется Московское княжество, под власть которого соединяются постепенно все русские области, а с ними вместе вокруг московского великого князя сгруппировываются все дружины, разбросанные до того по всей Руси, появляется обширный уже служилый класс, окончательно прикрепленный к особе великого князя московского, а затем царя всея Руси. Вторая половина XV ст. и первая половина XVI дают нам яркую картину усиления власти московского великого княжения, выдвинувшегося среди других русских княжений и постепенно их поглотившего.

Отчасти способствовало этому центральное положение Москвы, а главным образом ряд выдающихся энергичных князей, которые твердой

рукою стягивали под свою руку русские области. Не только склонились перед московскими князьями князья мелких уделов, но в 1463 г. пало великое княжение Ярославское, в 1478 г. пал Великий Новгород, в 1484 г. пало великое княжение Тверское и в 1520 г. Рязанское и стали вотчинами великих князей московских, превратившихся волею судеб в государей всея Руси. В XV и XVI ст. постепенно подчиняются московскому великому князю князья Ярославские, Стародубские, Одоевские, Белозерские, Суздальские, Микулинские, Мстиславские и др. Уничтожение удельных княжений изменило и положение их бывших государей, которые стали зависимы от московских великих князей и постепенно превратились в их слуг и из их же рук получали всякие милости взамен отнятой свободы; за князьями, конечно, потянулись и их бояре и служилые люди. Бояре, приближенные князей, потерявших свою независимость, несомненно должны были перейти под власть московского государя, им выбора не было — он один являлся распорядителем их судеб, и не только их, а и всего великорусского племени. То, что мы читаем в древних княжеских договорах: «а боярам и слугам меж нас вольным — воля» или, что ответила Владимиру Мстиславичу дружина: «о себе еси, княже, замыслил, а не едем по тебе, мы того не ведали» — не имеет уже места в XVI ст., воля тогда была одна — воля московского великого князя и от него служилому человеку уйти было некуда: на всем протяжении русской земли он находился в его власти и, конечно, никому из деятелей XVI ст. не могла прийти на ум фраза, сказанная в 1391 г. нижегородскому князю Борису Константиновичу его боярином Василием Румянцем: «Господине княже, не надейся на нас, уже бо есмы от ныне не твои и несть с тобою есмы, но на тя есмы», подобные слова немыслимы уже в XVI ст., когда на смену личного соглашения свободного дружинника с князем явилась личная повинность перед государством, когда право сменилось долгом и обязанностью. Приведенные слова боярина Румянца совершенно тождественны со словами западного вассала: «я сохраню верность, как тебе обещал, доколе буду твоим, доколе буду держать твое имение»; здесь мы видим сходство нашего боярства с западным дворянством. Это был период, когда на смену вольным слугам древней Руси, имевшим право свободного переезда, «а боярам и слугам меж нас вольным — воля» — появился класс уже закрепощенных слуг, несших обязательную службу государству, т.е. в это время совершился крупный переворот в жизни русского дворянства, которое потеряло свою свободу и из вольных слуг превратилось в тяглое сословие; это было периодом закрепощения сословия, превращения его в механических исполнителей единоличной, высшей

воли в государстве, воли московского государя. Иоанн III в своем духовном завещании 1504 г. уж прямо говорить: «боярам и детям боярским Ярославским со своими вотчинами и с куплями от сына моего Василия не отъехати никому никуда; а кто отъедет, — земля их сыну моему» — здесь уже открыто запрещается переход.

Впервые ограничил переход бояр Новгород, который в договоре с тверским князем в 1368 г. заявил, что в случае отъезда новгородских бояр к великому княжению Тверскому их «села, земли и воды» будет ведать Великий Новгород; эта мера, не отменяя права отъезда, конечно, фактически должна была очень стеснить возможность пользования этим правом, которым древний вотчинник пользовался в полной мере. Боярская вотчина являлась самостоятельным государством и ее владелец имел право отъезда с вотчины, которая таким образом не входила в состав территории того княжества. В пределах которого находилась, и принадлежала к составу того княжества., главе которого служил ее владелец и до того времени, пока был в силе договор этого владельца с князем. Князья, конечно, всеми силами старались бороться с этим правом сильных вотчинников, но поступить так резко, как сделал это в 1368 г. Новгород, они не могли, а пока решились отделить личную службу от земли и по договорам 1362 и 1368 г. сохраняя право отъезда удержали вотчины в своем государственном обладании, т.е. вотчинник волен был служить кому он хочет, но как вотчинник подчинялся местной власти, т.е. «судом и данью тянул по земле и воде».

Итак, как мы видим, падение удельных княжений и соединение всей власти в руках одного московского великого князя повлекли за собой уничтожение мелких княжеских дворов, которые вместе с их дружинами должны были слиться с таковыми же московского государя, но уже это произошло не по их доброй воле, а по необходимости и, конечно, приближенные бывшего удельного князя не могли претендовать на занятие того же положения, какое они занимали раньше; новым пришельцам приходилось отходить дальше, уступая место коренным слугам московского князя. В громадном большинстве они сливались с массой служилого люда, которого у московского великого князя собралось уже довольно много, и ему осталось лишь использовать их с наибольшей пользой для государства. Усиление значения Московского государства привлекло к нему на службу западно-русских и иностранных выходцев, появляются в Москве князья Воротыньские, Бельские, Трубецкие, Мстиславские, Мезецкие, Хотетовские, Мосальские, Жижемские, Перемышльские, Куракины, Голицыны, Хованские и др., вместе с ними переходят на московскую

службы и их дружина и слуги, и все это является в русское боярство и дворянство.

Таким образом, мы видим, что первоначальный верхний слой образовался из туземных князей, дружины и земских лучших, людей — «градских старцев», «старцев людских», «лепших нарочитых людей», «огнищан» и т.д. Так было в Киевской Руси, так продолжалось и тогда, когда политическая жизнь под ударами татар перешла на север, но здесь процесс слияния прошел более болезненно, так как гражданственность ко времени перехода центра политической жизни на север была более развита и князьям пришлось вести упорную борьбу с городскими общинами, привыкшими к вечевому быту и, следовательно, к значительной самостоятельности. Борьба эта, в которой участвовали города и местная землевладельческая и торговая аристократия, кончилась в пользу княжеской власти, которая становится общепризнанным фактом и князь является не только ее носителем, но и наследственным владельцем страны, ее «вотчинником», и дальнейшее уже устройство государства строится на этом принципе, вотчинности и еще долго в деятельности московских великих князей чувствуется вотчинник, вотчинный двор становится прототипом московского великокняжеского двора, все должности которого имели свои корни во дворе князя-вотчинника.

В числе областей, вошедших, впоследствии в состав Московского государства, но боровшихся с московскими государями дольше других, был и Великий Новгород, который представлял из себя весьма своеобразное государственное устройство, несомненно не единичное на пространстве русской земли. В Новгород были смешаны чисто демократические взгляды с чисто аристократическим государственным устройством. Во главе Новгорода стояло вече, которое решало все вопросы и избирало главу правительства — посадника, но выбирало его не из всех граждан, а из ограниченного круга боярских фамилий (приблизительно 40); это, конечно, не было правилом, но являлось обычаем, которого вече всегда придерживалось и никогда его не нарушало. Все население новгородской области теоретически пользовалось совершенно одинаковыми правами, но фактически вершителем судеб Новгорода было боярство, которое являлось крупным капиталистом и не менее крупным землевладельцем и в своих руках держало всю огромную торговлю Новгорода, а с нею вместе и его судьбу. Все это земское боярство, хотя и разоренное Иоанном III, вошло в состав московского служилого класса. Кроме крупных вотчинников-бояр, Новгород имел еще мелких землевладельцев-земцев, или своеземцев, которые слились с низшим слоем служилого класса, с детьми боярскими, и тоже вошли в состав русского дворянства, будучи частью еще при Иоанне III, а ча-

стью еще при Иоанне Васильевиче Грозном переселены в московские области. Из боярских родов Великого Новгорода в состав русского дворянства вошли Есиповы, Кузьмины-Караваевы, Савеловы, Селифонтовы, Авиловы, Глазоемцевы, Глуховы, Голенищевы, Головины, Норовы; некоторые из них уже угасли. Иоанн III сильно двинул вперед также закрепощение и мелких удельных князей; при нем впервые князья потеряли право не только передавать свои уделы, но не могли переходить на службу к другим князьям, для чего он стал брать записки о верности службы; подобные записки были взяты с перешедших из Литвы князей Мстиславских, Воротынских и Бельских. Древнейшей записью является грамота князя Даниила Дмитриевича Холмского от 1474 г.

Закрепощение князей, начатое при Иоанне III, продолжалось и при его преемниках, но особенно усилилось при его внуке Иване Васильевиче Грозном, который, по выражению князя Курбского — «затворил царство Русское, сиречь свободное естество человеческое, словно в адовой твердыни»; кроме того введена была система поручительства, состоявшая в том, что заподозренное лицо должно было представить поручителей на известную сумму; эти поручители представляли таких же и за себя, так что иногда было более ста поручителей, ручавшихся на сумму в десятки тысяч рублей.

В XVI ст. уже совершенно окончилось существование уделов; бывшие удельные князья переходили на службу великого княжения Московского и вошли в состав придворной аристократии и слились с боярством.

Среди московского боярства XVI ст. мы находим князей Ростовских, Ярославских, Суздальских, Микулинских, Мстиславских, Белевских, Воротынских, Мезецких, Стародубских и др. Удел в это время был заменен вотчиной, причем в некоторых исключительных случаях вотчинники сохраняли за собою некоторые державные права; но это скоро было отнято, права утрачивались и потомство Рюрика сливалось с служилым классом, не отличаясь от него ни материальными, ни служебными преимуществами, нередко даже уступая и в том и в другом.

Иоанн IV не остановился на уничтожении уделов, он усердно принялся за уничтожение и самой памяти о них; он не только отнимал у князей их вотчины и поместья, но уничтожал и целые княжеские роды. Интересно мнение на этот счет князя Курбского: «обычай есть издавна московским князем желати брати своих крови и губити их, убогих ради и окаянных вотчин, несытства ради своего», и действительно целый ряд московских государей вел ожесточенную борьбу с князьями и боярством, и Грозный продолжил дело своих предшественников, но про-

явил при этом совершенно ненужную и бессмысленную жестокость, которая совершенно не оправдывалась обстоятельствами времени. При Грозном исчезли Курлятевы, Нагие, Ноготковы, Горенские, Алабышевы, Аленкины, Барбашины, Дорогобужские, Кубенские, Ногтевы, Золотые, Серебряные, Палецкие, князья Ростовского дома: Бритые, Бычковы, Голенины, Голубые, Пужбольские, Хохолковы и др., многие из них сошли со сцены под топором палача, другие же вынуждены были заменить княжескую шапку монашеским клобуком; целый же ряд родов хотя и сохранил жизнь, но поместья их вошли в состав территории, отданной в распоряжение опричнины, которая охватила владения князей Ярославских, Белозерских, Ростовских, Стародубских, Суздальских и др., что повлекло за собою выселение вотчинников в другие области — «государь велел вотчинников и помещиков, которым не быть в опричине, из тех городов вывести и продавать земли велел в то место в иных городах». Об этом времени мы имеем показание князя Курбского: «единоплеменных княжат, влекомых от роду Владимира, различными смертми поморил еси и отнял их движимые и недвижимые стяжания, чего еще был дед твой и отец не разорил». Если при Иоанне III и сыне его Василии была борьба с удельными князьями, то при Иоанне Грозном она превратилась в бессмысленное гонение, ничем не оправдываемое, так как удельные князья были уже настолько обессилены, что не оказывали никакого сопротивления и беспрекословно шли на плаху по первому слову московского великого князя, ставшего их государем. У Флетчера мы находим следующие слова: «теперь при Феодоре Иоанновиче высшая знать, называемая удельными князьями, сравнена с остальной знатью; только лишь в сознании и чувстве народном сохраняет она некоторое значение и до сих пор пользуется внешним почетом в торжественных событиях». Ко времени соединения всей Руси под скипетром Московских великих князей высший класс состоял, как мы видим, из дружины, земского боярства, потомков удельных князей, превратившихся в обыкновенных слуг московских; государей, и выходцев из других стран, большей частью татар, затем литовцев и отчасти разных искателей приключений или гонимых у себя, на родине и являвшихся в Москву с предложением своих услуг, оседавших здесь и делавшихся родоначальниками русских дворянских родов. Но несомненно, конечно, что в громадной своей части русское дворянство чисто русского происхождения и вышло из среды своего народа. Не могу не отметить, что уже в XVI ст. можно было заметить моду выводить свой род от иноземного выходца, и, просматривая родословия нашего древнего дворянства, мы почти всюду наталкиваемся на легенду об иноземном

происхождении, которые затем были признаны правительством, почему нередко мы можем встретить чисто русский род записанным в IV часть родословной книги, т.е. часть, в которую вносятся иностранные дворянские роды; как например мы можем указать на Апраксиных, Барыковых, Бахметьевых, Измайловых, Кондыревых, Крюковых и т. д. Курьезный случай в этом же роде был с одним из князей Крапоткиных, который забыл свое происхождение от Рюрика и, подавай в конце XVII ст. свою родословную в разрядный приказ, показал свой род выезжим из Орды; по-видимому, необходимость происходить от иноземного выходца была настолько сильна, что предпочиталось происходить от татарина, чем от русского князя.

Временем завершения устройства служилого класса надо признать XVI ст., когда совершилось окончательное ограничение прав высших слоев — боярства, лишенного с этого времени права отъезда и окончательно осевшего на местах; в это же время начинается земельное устройство низших слоев служилого класса, придворная служба которых у государя-вотчинника превратилась в военную службу государству, причем они были помещены на землях, которые являлись тяглыми по отношению к государству и должны были нести известную службу государству, а с расширением пределов Московского государства вся эта масса служилого элемента послужила материалом для колонизации границ государства. потребовавшее увеличение войск вызвало новый прилив служилых людей; правительство начало верстать земельными окладами на поместном праве более низкие служебные слои; так в 70-х годах XVI ст. даны были поместья в Деделовском уезде 200 казакам за азовскую и чигиринскую службы, тогда же получили поместья в Каширском, Пронском и Зарайском уездах служилые татары; в 1858 г. 300 человек Епифанских казаков были поверстаны в дети боярские и получили поместья в том же Епифанском уезде. Вся эта масса составляла главное ядро военных сил московского государства. Мы имеем точную цифру дворян, участвовавших в походе 1578 г.: 212 служилых князей и выборных дворян, 9211 дворян и детей боярских московской земли, 1109 человек новгородских и юрьевских помещиков — всего 10532 человека; несколько ранее — в 1563 г. в походе на Полоцк, когда Иоанн Грозный должен был двинуть почти все наличные силы государства, дворян участвовало 18025 человек.

Считая, что часть сил государства должна была оставаться для охраны границ, можно определить количество дворянства, годного к службе, приблизительно в 25 тыс. человек.

Постепенно, в течении XVI и XVII ст. совершилось разделение служилого сословия на разряды —

во главе стояли роды, дававшие членов боярской думы, затем идут придворные чины, московское дворянство, занимавшее более высокие должности по управлению, и, наконец, масса провинциального дворянства и детей боярских.

Пережиты тяжелые годы смутного времени отразились и на положении служилого класса, нести службу, «конно, людно и оружно» от юности до старости или полного увечья становилось не под сил у громадном у большинства у дворянства, границы государства расширялись, требовалось все более и более усилий для их охраны, поместья и вотчины лежали в пусте, крестьянское население разбрелось, и вот мы видим, что многие дворяне в это время «не хотят государевы службы служить и бедность терпети и идут в холопы», что вызвало в 1642 г. со стороны правительства особый указ с запрещением дворянам идти в холопы. Но издавать указы было, конечно, легче, чем их исполнять — ведь не от хорошей жизни свободный служилый человек менял свое положение на зависимое холопство. Таково было положение дворянской массы при первых царях из дома Романовых; При Петре I оно не улучшилось, служба стала еще тяжелей, почему переход дворян ста в податные классы населения продолжался, вот почему исследователю не раз придется встречаться с потомками древнего служилого рода, превратившимися в крестьян, но часто сохранившими воспоминания о своем дворянском происхождении. Стоит проехать по некоторым уездам Тульской, Тамбовской, Орловской, Курской и Воронежской губерний, т.е. по той местности, где в XVI и XVII вв. пролегла пограничная черта, и вы встретите целые ряды бывших государственных крестьян, так называемых четвертых владельцев, сохранивших это название, как воспоминание о тех четвертях, которыми верстались их предки, — это все предки первых насельников и колонизаторов края — детей боярских XVI и XVII вв.; нередко в какой-нибудь избе вы найдете древний свиток, как доказательство того, что предки его теперешнего владельца были служилыми людьми и помещиками. Не удивляйтесь, если среди фамилий этих услышите не утративших своего значения и в настоящее время княжеских фамилий, но, конечно, уже без титула, знайте, что это отпрыски древнейших родов, которые до сих пор еще не утратили воспоминания о своем дворянском, а иногда и княжеском происхождении. Так растворились в народной массе потомки служилых родов, которые в былые времена окружали престолы русских князей и составляли княжеские дружины. После известной грамоты императрицы Екатерины II 1785 года многие представители старинных родов, зачисленных в подушный оклад, поднялись для того, чтобы восстановить свои утраченные права,

и тем, кто специально займется генеалогией, придется не раз иметь дело с многотомными делами в депутатских собраниях о восстановлении в дворянском достоинстве крестьян, мещан и купцов, носящих фамильные прозвания, хорошо знакомые генеалогу.

XVIII век, особенно его первая половина — это самая темная страница в истории дворянства для генеалога. Старое дело все разрушено, нового ничего не создано, и генеалогу приходится по обрывкам собирать сведения о представителях родов, кое-какой материал дают только сказки о службе и дела герольдмейстерской конторы, где собирались сведения о недорослях, — только появление указа 1785 г. с повелением составить родословные книги выводит нас на торную дорогу, и с этого времени работа генеалога, до известной степени, облегчена. На этой родословной книге и в связи с нею на тех учреждениях, которые возникли при этом, т.е. на дворянском депутатском собрании и Департаменте Герольдии, мы остановимся более подробно, т.к. генеалогу как то, так и другое обойти нельзя — это те камни, из которых исследователи строят фундамент для постройки своего здания.

В начале XVIII ст. у нас появилось наименование царедворцев, которые носили, по-видимому, роды, представители которых до того служили в высших чинах, затем наименование царедворцев было изменено на *шляхетство*, которое удержалось до времени Екатерины Великой, а с тех пор высший класс носит уже наименование дворянства.

С изданием при Петре I таблицы о рангах появилась у нас выслуга в дворянство, получивший чин 8 класса тем самым причислялся «в вечные времена лучшему старшему дворянству», т.е. приобретал потомственное дворянство. С этого времени число дворянских родов быстро увеличивается, на смену древних родов, представители которых, благодаря тяжелым условиям службы на окраинах, превращались в однодворцев и государственных деятелей XVIII ст., в числе которых мы видим царских истопников, конюхов, вспевальной музыки контористов и спеваков; между прочим были возведены в дворянское достоинство все рядовые роты, которые помогли Елисавете Петровне взойти на престол.

С конца XVIII ст. к составу дворянства была присоединена и казачья старшина, начавшая обособляться в особый класс с самого начала XVIII ст., когда постепенно власть казачьего круга начала заменяться единолично властью гетмана или атамана, поддерживаемого центральным правительством, которое находило эту власть более соответствующей и более отвечающей своим целям. Около атаманов складывался особый класс — старшины, который стремился сделать это звание наследственным, результатом чего и явилось в казачьих областях население со все-

ми признаками высшего сословия и с стремлением владеть крепостными, в начале беглыми, а затем, с усилением своего влияния, и закрепошенными казаками. В конце концов этот класс был признан в правах русского дворянства, причем в Донской области это произошло в 1798 г., когда казачьи офицерские чины были сравнены с армейскими, что и давало их носителям права дворянства; после Донского войска с течением времени были сравнены в чинах казаки Кубанские в 1802 г., Уральские в 1799 г., Астраханские в 1817 г., Оренбургские в 1840 г. и в 1845 г. Терские и Сибирские.

Со времени Петра I в России, благодаря постоянным сношениям, появляются представители высших классов Молдавии и Валахии, усиленный выезд которых в Россию начался после 1711 г., и из которых многие попали в ряды русского дворянства. Распознать происхождение этих родов легко по их гербу: валахские роды имеют в своем гербе летящую птицу, держащую в клюве крест, молдавские — воловью голову; напр. Кантемир, Абаза, Бантыш-Каменский. Черногорец, Милорадович, Куликовские и др. Сын князя Дмитрия Кантемира, Антиох Кантемир, был в русской службе при Петре Великом.

В 1715 году поступили к Петру из Молдавии, Валахии и Сербии: 3 полковника, 4 ротмистра, 9 офицеров, 2 сербских капитана и 148 сербских солдат.

При Петре в русскую службу поступало так много иностранцев всех наций, что нет возможности их перечислить. Петр нанимал как иностранных фельдмаршалов, генералов, полковников, так и художников, мастеровых; везде были иностранцы, нужные, как учителя для русских.

На службе при Петре были иностранцы: из 52 пехотных полков — 22 иностранных полковника, из 33 кавалерийских полков — 11 иностранных полковников. Иностранцам давалось двойное против русских, жалованье — 600 руб., а русским 300 руб. В 33 кавалерийских полках полковой штаб состоял из 330 человек, из них 88 иноземцев; ротных офицеров было 2310 человек, из них иноземцев 330. Вообще указом 1711 года было постановлено, чтобы русских было 5 человек при той должности, где иноземцев было три. В 1717 году при учреждении коллегий было поставлено, чтобы президенты коллегий были русские, а вице-президенты иностранцы. В каждой из 9 коллегий были иностранцы: 1 советник или ассесор, 1 секретарь, 1 шкрейвер.

31 декабря 1741 г. Императрица Елизавета Петровна возвела в дворянство гренадерскую роту Преображенского полка, которая оказала ей помощь при восшествии на престол; состав ее был

364 человека, но в этом числе были, впрочем, и дворяне. Роды, происходящие от этих гренадер, имеют в гербе стропило с 3 горящими бомбами, а шлем, вместо дворянской короны, увенчан гренадерской шапкой. Среди этих родов некоторые довольно известны: будущие князья Воронцовы, графы Шуваловы, Храповицкие, Охлестышевы, Картавцевы, Слепцовы и некоторые другие. Разыгравшиеся в конце XVII ст. события во Франции дали нам целый ряд представителей французского дворянства, каковы, между прочим маркизы ле-Траверсе, графы де-Сен-При, графы де-Тулуз-Лотрек, гр. ле-Рец-Шанкло, гр. Шуазель-Гуфье, гр. Раймонд-Моден, гр. де-Шамборант.

В 1750 годах между рр. Луганью и Бахмутом, по правому берегу р. Сев. Донца были поселены сербы, болгары, волохи, венгры и представители других народностей Австрии и Балканского полуострова, и с этого времени среди русского дворянства мы имеем такие фамилии, как Хорваты, Депрерадовичи, Штеричи, Евличы, Шевичи, Подгоричане-Петровичи, Вуичи, Булацели, Гирчичи и т.д.

Отдельно стоят дворянства Остзейское, Грузинское, Польско-Литовское и Финляндское; для определения первого мы должны ознакомиться несколько с возникновением дворянства в Германии, где оно создано на чисто феодальных началах, причем феодализм там развивался гораздо медленнее, чем во Франции и Италии; здесь существовала сильная королевская власть еще тогда, когда во Франции и Италии только что водворился феодальный порядок.

Только в середине XIII ст., когда пала династия Гогенштауфенов, феодальные стремления аристократии одержали вверх над королевской властью, результатом чего и было, что в течение следующих веков вся Германия раздробилась на множество отдельных государств, государи которых стали родоначальниками высшей германской аристократии. С раздроблением на отдельные государства вся Германия разделась на феодальные элементы, так как каждый вассал мог иметь своих подвассалов, и мы видим, что от короля, как высшего ленного господина, до самых низших слоев общества идет длинная лестница различных политических положений.

В XVIII ст. был составлен судебник, называемый Саксонским зеркалом, который дает нам целую картину положения различных лиц в тогдашнем обществе или так называемый порядок щитов, по которому первый щит принадлежал королю, щиты второго ранга — духовным князьям, третьего ранга — светским князьям, четвертого — свободным господам и т. д., т.е. получается картина, сильно напоминающая нам местнические распорядки высшего служилого класса древней Руси.

К этому времени относится и возникновение

рыцарства, превратившегося впоследствии в среднее дворянство. Первые признаки будущего рыцарства мы находим в VIII ст. у франков, когда впервые появляется конное войско вассалов, получивших землю под обязательством конной службы, т.е. поместья нашего служилого класса; к ним стали примыкать дворцовые слуги крупных феодалов, занимавшие должности маршалков, сенешалей, шенков и т. п., имевшие общее название министериалов, а с XI ст. получившие наименование динстманов, что опять таки напоминает происхождение у нас слова дворянин. Выгоды положения динстманов побуждали вступать на службу феодальных владельцев не только свободных людей, но даже знатных динстманов, превратившихся в динстхеррен и слившихся со знатью, а при Гогенштауфенах этот класс становится уже замкнутым и наследственным, доступ в него уже затруднен, требуется посвящение в рыцари владельцем феода, а затем и рыцарем.

Во время крестовых походов начали образовываться духовно-рыцарские ордена (XI-XIII ст.), один из таких — Тевтонский — сыграл большую роль в истории России, почему считаю необходимым, на нем несколько остановиться.

Основан Тевтонский орден в 1128 г. в Иерусалиме германцами с целью оказывать материальную помощь больным и бедным паломникам германского происхождения и назывался братством св. Марии Тевтонской; около 1189 г. он принимает военный характер и вводит у себя устав Тамплиеров, согласно которому рыцарями этого ордена могли быть только лица знатного происхождения, т.е. военно-духовный орден превратился в чисто аристократическое учреждение.

В 1228 г. тевтонские рыцари впервые появляются на берегах Вислы и постепенно распространяют свои завоевания: уже через несколько лет им принадлежала Пруссия и побережье Балтийского моря, теперешний Прибалтийский край, в котором действовал Ливонский орден, явившийся в 1198 г. для борьбы с язычниками и основанный в 1201 г. Ригу. В 1237 г. оба ордена, как преследовавшие одинаковые цели, соединились, благодаря чему приобрели огромное значение и силу; в 1347 г. орден получил от папы буллу, которая освобождала его от ленной зависимости епископов, хотя фактически ее и не было; но с этого времени орден получает в свои руки руководящее значение и становится единственным распорядителем в стране. Как известно, уже в 1242 г. рыцари столкнулись с русскими, которые под предводительством Александра Невского нанесли им поражение на льду озера Пейпуса. С самого начала XV ст. начинается упадок ордена, который постепенно теряет свои владения. Прибалтийские провинции сначала переходят к шведам, а в 1710 г. к русским, и потомки ры-

царей с этого времени входят в состав дворянства.

Высшее сословие в Грузии ведет свое начало от тех мамасхлисов, которые правили грузинским народом в те времена, когда еще не было царей. Потомство младших братьев этих мамасхлисов получали отдельные участки, в которых управляли под руководством своих старших братьев и носили название «тави», т.е. голова; потомство их составило высший класс Грузии под названием тавадов или князей. С течением времени некоторые из тавадских родов приобрели большое значение и управляли своими областями почти самостоятельно.

Позднее цари грузинские начали возводить в достоинство тавадов за заслуги, причем для получения звания тавадов требовалось:

1) иметь не менее двух крепостей, несколько деревень и вообще иметь возможность поддерживать свое достоинство князя;

2) иметь церковь или монастырь для погребения в нем членов своей семьи, и

3) иметь несколько зависимых от них дворянских семейств.

Низший класс высшего сословия составляли «азнауры», потомки дружинников царя, тавадов и высших духовных лиц, таким образом азнауры делились на три разряда:

1) царские азнауры, они считались выше других и жаловались от царей землями;

2) княжеские азнауры, они составляли дружины князей и сопровождали их во время войн, и, наконец,

3) азнауры главы грузинской церкви, которые сидели на церковных землях.

Все три разряда азнауров пользовались свободой от податей, владели крепостными крестьянами и имели право строить крепости.

Появление в России представителей грузинских высших классов начинается со второй половины XVI ст., единичные выезды продолжались вплоть до 1783 г., когда Русское правительство признало Грузинское дворянство в правах дворянства Российского.

Тавады признаны в княжеском, а азнауры в дворянском достоинстве.

Общественный строй в Литве складывался в начале так же, как и в других странах. И здесь около более сильных собиралась народная масса и выдвинулся класс старейшин, которые в некоторых местах превратились в князей или, как их называли, кунигасов и рикасов. Благодаря частым войнам выделился особый военный класс, который сгруппировался около кунигасов, и образовался аристократический слой. В половине XIII ст. из кунигасов выдвигается Миндовг, около которого начинает собираться Литва, с присоединением некоторых западно-русских областей аристократические элементы увеличиваются князьями из дома Рюрика,

признавшими над собою верховную власть Литовского великого князя. В XIV ст. мы видим в Литве уже совершенно сложившийся государственный строй со всеми признаками западного феодализма. Во главе государства стоял великий князь, под ним шел ряд отдельных князей, находившихся в ленной зависимости и обязанных являться на зов великого князя со своими дружинами и участвовать в его думе, а также платить дань.

Верхний слой населения носил наименование бояр и состоял, как и в Руси, из потомков первых землевладельцев края и из дружинников князей. Этот класс в свою очередь имел свои дружины, которые впоследствии также вошли в состав высшего сословия. В XV ст. в Литву начинают проникать с Запада некоторые бытовые формы, вроде гербов, которые официально были введены привилом 1413 г., начинают встречаться названия «барон», «рыцарь», появляются титулы князей; паны начинают выхлопывать себе титулы от императоров. Литовское боярство в это время пользовалось громадным влиянием и значением. Оно составляло раду литовскую или, как ее называли, панов-раду, им же принадлежало право на занятие высших государственных должностей, каковыми были должности гетмана, т.е. предводителя войска, и военного судьи, канцлера — хранителя королевской печати и заведующего государственной перепиской, маршалка — представителя служилого сословия, подскарбия — ведавшего государственные доходы и, наконец, должности местного управления: воевод, их помощников — каштелянов и старост, которым нередко подчинялись большие области. С конца XIV ст. (при Ягайло) в Литву проникает польский обычай сеймов, на которых крупные паны играли огромную роль и пользовались большим значением, несмотря на то, что великие князья прилагали старания поднять значение мелкой шляхты, которая, несмотря на это, только в XVI ст. получает некоторые преимущества и приобретает известную власть над населением, живущим на их землях.

В XVI ст. Литва соединилась с Польшей и литовское высшее сословие слилось с таким же польским, в громадном большинстве перейдя в католичество, что давало известные преимущества.

Все высшие должности в государстве принадлежали высшему классу, делились на четыре степени: первую занимали сановники высших правительственных учреждений страны, вторую — государственные и придворные чины в столицах, третью — те же чины в воеводствах и четвертую — городские и земские чины. Финляндское дворянство получило свое начало от шведского, представители которого владели в Финляндии ленами и в руках которого были все важнейшие должности в стране. Начало же шведского дворянства

надо искать в том совете, который образовался около короля в XIII ст., окончательное, же формирование дворянства можно считать в XVI ст., когда крупные землевладельцы приобретают в стране первенствующее значение в ущерб королевской власти.

В начале XVII ст. в Швеции возникает представительный образ правления, причем верхняя палата была в руках дворянства и называлась рыцарской, в ней имели право представительства все дворянские роды как высшего, так и низшего дворянства.

Таков в общих чертах состав русского дворянства.

Огромный переворот в жизни русского дворянства внесли реформы Петра I, его знаменитая табель о рангах перевернула все основы, на которых формировалось дворянство в допетровское время. Эта табель, как выразился один из историков, нанесла удар породе, с этого времени двери в дворянское сословие были широко открыты и через них стали вливаться самые разнообразнейшие элементы, которые совершенно изменили физиономию русского дворянства, разделив его на две части — исконное русское дворянство осталось большей частью на местах, неся непосильную службу государству в рядах армии и в то же время у себя в деревнях сохраняло старинные связи с русским народом. Новое дворянство с огромной примесью иноземного элемента сосредоточилось в новой столице и, покровительствуемое временщиками, также из случайных людей, заняло место прежней национальной знати. Состав русской аристократии совершенно изменился и на смену чисто русским родам, служившим целые столетия русским великим князьям и царям, появляется сплоченная масса иноземных родов, правда, с примесью новых русских родов, но не имевших уже корней в прошлом. Появляются хундородные князья Меншиковы, еврейские графы Девиеры и бароны Шафировы, графы Минихи, графы Остерманы, родственники Екатерины I графы Ефимовские, Скавронские и Гендриковы и т. д. без конца.

В XVIII ст. целый ряд дворцовых переворотов выдвинул опять целый ряд случайных родов и поставил их в ряды русской аристократии: Орловы, Шуваловы, Разумовские, Безбородки, Кутайсовы и т. п. роды заменили потомков бывших владетельных князей русских и их ближайших сотрудников по устройению русской земли, и в то время, как временщик Бирон управлял Россией, представитель одной из лучших фамилий нес обязанности придворного шута. Заглядывая и дальше, в XIX ст., мы видим ту же картину — первые ряды русской знати заняты представителями или случайных родов или же родов иноземного происхождения, то же мы видим и в наши дни.

В то время, когда высшее петербургское дво-

рянство, — будем называть так нашу знать, образовавшуюся после табеля о рангах, в отличие от массы русского служилого класса, пользовалась всеми преимуществами своего исключительного привилегированного положения русское помещичье дворянство несло страшную тяготу службы государству. Обязанность службы при Петре, была как личной, так и имущественной. Лично дворяне обязаны были служить от 15-летнего возраста до глубокой старости или полной физической неспособности. Правительство строго следило, чтобы дворяне не укрывались от службы, и за уклонения назначало наказания до каторжных работ и вырывания ноздрей включительно, но одновременно с этим для остзейского дворянства служба была необязательна, что весьма, характерно для истории русского дворянства в послепетровский период. Иностранное дворянство составляло как бы аристократию среди дворянства новой русской империи, и только XX в. к., будем надеяться, вернет значение русской крови.

Табель о рангах поставила чин выше происхождения, и мы видим, что все и вся потянулись за чинами; вот что говорит по этому поводу кн. Щербатов в своем сочинении «О повреждении нравов в России»: — «разрушенное местничество, и не замененное никаким правом знатым родам истребило мысли благородной гордости в дворянах; ибо стали не роды почтенные, а чины и заслуги и выслуги; и так каждый стал добиваться чинов, а по всякому удастся прямые заслуги учинить, то, за недостатком заслуг, стали стараться выслуживаться всякими образами, льстя и угождая государю и вельможам», и в этом князь Щербатов был безусловно прав; огромное большинство деятелей XVIII ст. достигло своего высокого положения не по действительным заслугам, которые, конечно, всегда должны быть отличаемы, а лести и прислуживание были главными факторами в приобретении чинов, орденов, богатства, а затем и знатности, как конечного результата.

Кроме личной службы дворяне были обложены большими налогами с количества крестьянским дворов и кроме того обязывались строить дворы в Петербурге и на острове Котлине. Все это, вместе взятое, делало положение дворянства, крайне тяжелым и, владея крепостными, оно само было наиболее крепостным сословием. При преемниках Петра Великого продолжалось то же самое, хотя в 1727 г. Екатерина I и разрешила отпускать дворян в свои деревни для приведения их в порядок, когда это позволять соображения. Императрица Анна еще несколько облегчила службу дворянству, разрешив тем дворянам, у которых два или более сыновей, оставлять одного из них дома «для содержания экономии», и определила военную службу для дворян в 25 лет. При Императрице Елизавете дворянство в 1746 году приобретает исключительную привиле-

пию владеть крепостными, что было оставлено кроме дворянства только еще фабрикантам, но служебное положение дворянства осталось без изменения. Большой переворот в жизни дворянства сделал император Петр III, который 18 февраля 1762 г. даровал дворянству так называемые права вольности, т.е. освободил их от обязательной службы. Этот манифест принес дворянству безусловный вред — воспользовавшись правом не служить, дворянство оставалось в своих поместьях, где несло, конечно, известную государственную тяготу, но в то же время теряло свои связи и свое значение в новой столице, где на его смену утверждалось новое дворянство, в огромном большинстве немецкого происхождения, сплоченное и думавшее только о своих собственных выгодах и преимуществах и не считавшее русский народ своим. Нужно было пройти двум столетиям после того, как Петр I прорубил окно в Западную Европу, нужна была ужасная война, поднятая Вильгельмом II, чтобы русское общество заговорило о немецком зысле, к которому Россию привела не русская политика, водворившаяся в России с легкой руки великого преобразователя.

Манифест Петра III положил начало привилегиям дворянского сословия, так что все последующее законодательство этого периода относительно дворян шло в духе этого манифеста.

Манифест Петра III хотя дал дворянам свободу от службы, но еще содержал в себе до известной степени некоторые еще стеснения дворянскому сословию. Екатерина Великая, вскоре после вступления на престол, составила при Дворе для рассмотрения манифеста Петра III и прав дворянства комиссию из графа Бестужева, графа Разумовского, канцлера графа Воронцова, князя Шаховского, Панина, графа Чернышова, князя Волконского и графа Орлова. В 1763 г. 11 февраля Екатерина дала такой указ этой комиссии: «Бывший император Петр III дал свободу благородному Российскому Дворянству. Но как сей акт в некоторых пунктах еще стесняет ту свободу более, нежели общая отечества польза и наша служба, теперь требовать могут при переменившемся уже государственном положении и воспитании благородного юношества, то мы вам повелеваем, собравшись вместе у Двора нашего, оный акт рассмотреть и для приведения его содержания в лучшее совершенство между собою советоваться, каким от нас особливим, собственным Государевым установлением Российское дворянство могло бы получить в потомство свое из нашей руки новый залог нашего монаршего к нему благоволения. А чтобы благоразумная политика была всему основанием, то надлежит при распоряжении прав свободы дворянской учредить такие статьи, которые бы наилучше поощряли их честолюбие к пользе и службе нашей и нашего любезного отечества». Все законодатель-

ство Екатерины Великой относительно дворянства шло в духе этого указа; наконец, в 1785 г. 21 апреля издана была «Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства». Эта жалованная дворянству грамота вместе с другими указами о дворянстве сделала из дворянства вполне привилегированное сословие, определила его права и преимущества.

В каждой губернии, где были дворяне, по Жалованной Дворянской Грамоте, учреждалось Дворянское, Депутатское собрание из депутатов от дворян, которые выбирались по одному от каждого уезда на 3 года; в каждой губернии выбирался также дворянами всей губернии губернский предводитель дворянства. В каждом уезде еще в 1766 г. 14 декабря велено выбрать по одному уездному предводителю дворянства для выбора дворянских депутатов в комиссию для сочинения проекта Нового Уложения. По Жалованной Дворянству Грамоте каждый уездный предводитель должен сочинить список по алфавиту всем дворянским родам, владеющим в том уезде недвижимым имением. Списки эти доставляются губернским предводителям дворянства, которые составляют дворянские родословные книги вместе с дворянскими депутатами. В каждой губернии, где есть дворяне, должна быть дворянская родословная книга, которая должна разделяться на шесть частей. В первую часть вносятся действительное дворянство, пожалованное на дворянское достоинство дипломом, гербом и печатью, т.е. возведенное в дворянское достоинство Высочайшей властью помимо службы. Во 2 часть — военное дворянство, в 3 — гражданское или 8-классное, в 4 — иностранные дворянские роды, в 5 — дворянские роды, титулами отличенные, т.е. князья, графы, бароны, в 6-ю часть — древние благородные дворянские роды, т.е., коих доказательства дворянского достоинства за 100 лет и выше восходят: благородное же их начало покрыто неизвестностью. Каждый дворянин должен внести имя свое и прозвание в дворянскую родословную книгу той губернии, где находится его недвижимое имение. Таким образом, все дворянские роды должны были быть приведены в известность. Новые дворянские роды возрождались по определенным правилам, и дворянское сословие сделалось отныне навсегда резко очерченным, определенным, замкнутым.

В 1785 г. был издан Манифест, определявший взаимоотношения дворян и вводивший строгую организацию в среде поместного дворянства, организацию, действующую и по сие время. В этот период управление, суд и полиция разделялись между лицами как назначаемыми правительством, так и выбираемыми самим обществом, причем дворянские общества получали право выбирать таких должностных лиц, которые имели отношения не к одному дворянскому сословию, но ко всем сословиям. Во главе всех

правительственных мест стоял Сенат; хотя при Екатерине II Сенат стал нисходить на степень просто высшего судебного места, но мы видим еще многие правительственные распоряжения Сената. В 1763 г. 15 декабря Сенат был разделен на шесть департаментов, из них 4 в Петербурге и два в Москве.

Далее за Сенатом при Екатерине II шли коллегии, которые оставались все те же, как и прежде, только некоторые из них с 1781 г. стали уничтожаться. Областное управление было определено в 1775 г. 7 ноября. Учреждением для управления губерний Всероссийских Екатерина Великая разделила Россию на 50 губерний и во главе каждой губернии поставила губернатора или наместника. Несколько пограничных губерний были соединены под власть одного генерал-губернатора. За губернатором был вице-губернатор и потом Губернское или Наместническое правление, где председательствует губернатор или наместник и при нем два советника и два ассессора. Губернаторы и вице-губернаторы назначались Высочайшей властью, а советники и ассессоры — Сенатом. В городах были назначены городничие, которые определялись Сенатом по представлению губернских правлений. Уездная полиция была поручена земским исправникам, или капитанам, которые выбирались дворянством из своей среды на три года и утверждались губернатором. В тех же уездах, где было мало дворянских имений, земские исправники назначались губернским правлением. Земской полицией заведовали вместе с исправниками Нижние Земские Суды, в которых председателями были исправники, и в них выбирало дворянство двух или трех дворянских заседателей. В губерниях для казенных дел были учреждены казенные палаты, председателями которых были вице-губернаторы и при них по одному директору экономии, по одному советнику, по два ассессора и одному губернскому казначею. Для суда в каждом уезде или округе учрежден уездный, или окружной суд, председатель которого, уездный или окружной судья выбирался дворянами на три года и утверждался губернатором. В уездные суды выбирались дворянством два дворянских заседателя и два заседателя от государственных крестьян. Уездные суды решали уголовные и гражданские дела, относящиеся к дворянству и крестьянам. Среднее сословие ведалось своими городскими судами. Дела о дворянах решал уездный судья с дворянскими заседателями, а о крестьянах — уездный судья с крестьянскими заседателями. В праве уездного судьи решать дела как дворянские, так и крестьянские и других сословий, кроме городского, высказалось влияние дворян на земщину через суд, также как такое же влияние дворян на земщину и даже сильнее этого высказалось в лице исправника посредством земской полиции. Кроме судебных

дел, уездный суд ведал нотариальные дела совершал купчие крепости. При каждом уездном суде учреждалась дворянская опека, председателем которой был уездный предводитель дворянства, а членами — уездный судья и дворянские заседатели.

Дворянской опеке поручается попечение не только об оставшихся после дворянских родов малолетних сиротах и их имениях, но и о вдовах и их делах.

Уездные суды, нижние земские суды и дворянская опека подчинены верхнему земскому суду.

В каждой губернии полагался один или два, если губерния обширна, верхних земских суда. Председатели верхних земских судов выбирались Сенатом и утверждались Высочайшей властью. Дворяне выбирали в каждый верхний земский суд по 10 заседателей из дворян. В верхние земские суды вносят дела по апелляции на уездные суды, дворянские опеки и нижние земские суды, все жалобы и тяжбы дворянские и на дворянина, дела гражданские и уголовные и дела разночинцев. Высшей инстанцией областного суда была Палата уголовного суда. Председатели в них выбирались Сенатом и утверждались Верховной властью, а советники и ассессоры назначались Сенатом. Этим палатам поручаются апелляции для ревизии дел на верхние земские суды, губернские магистраты и верхнюю расправу. В каждой губернии полагается Совестьный суд, председатель которого — судья, а присутствие составляется по дворянским делам из двух заседателей от дворян, по торговым — из двух заседателей от купечества и по расправным — из двух заседателей от поселян. Кроме того, в каждой губернии были губернские прокуроры и стряпчие и в каждом уезде уездные стряпчие, уездные доктора, землемеры, все назначаемые правительством. Собственно, для дворянских дел, но с влиянием и на земщину, в каждой губернии был губернский предводитель дворянства и в каждом уезде уездный предводитель, выбираемые дворянами на три года. Итак, мы видим, что влияние дворянства на земщину выразилось в выборе: исправника, заседателей нижних земских судов и верхних земских судов, уездных судей, лиц, которые ведали не одни только дворянские дела, но и дела всех сословий. Кроме того предводители дворянства понемногу стали также принимать участие в земских делах, в производстве рекрутских наборов, в раскладке земских повинностей.

При императоре Павле в правах дворянства произошли существенные перемены, так:

1. Дворянские собрания по губерниям были отменены; дворяне могли собираться только по уездам.

2. В отмену указа 1788 г. император повелел в 1789 г., марта 8, чтобы в дворянских

Собраниях по делам общественным присутствовали губернаторы.

8. Дворяне лишились права выбирать лиц в земскую полицию и судебные места.

4. Павел I поломал и губернские учреждения, введенные Екатериной II.

5. Сама служба по дворянским выборам была стеснена.

6. Наконец, Павел лишил дворян важной их привилегии, недавно ими полученной и которой они еще мало успели воспользоваться, это — свободы от телесного наказания.

При Александре I к России были сделаны новые присоединения, которые, увеличив территорию Российской Империи, обогатили с тем вместе состав русского дворянства новыми элементами.

1. По миру, заключенному Александром I с Швецией в Фридрихсгаме 5 сентября 1809 г., Россия приобрела всю Финляндию до реки Торнео с Аландскими островами. Император подтвердил старинное шведское устройство Финляндии и даровал ей особое правление с титулом Великого Князя Финляндского.

2. По постановлению Венского конгресса, который составил по низложению Наполеона I из всех европейских государей и их министров в сентябре 1814 г., Россия получила, земли, составляющая теперь Царство Польское. Император дал и Царству Польскому особое управление.

3. По миру, заключенному Россией с Турцией в Бухаресте 16 мая 1812 года, Россия приобрела Бессарабию и границей была назначена река Прут.

4. При Александре I русское владычество на Кавказе победами русских генералов утвердилось.

Новые завоевания России должны были вызвать меры правительства относительно дворян новозавоеванных стран; кроме того правительство при Александре I должно было определить права высшего класса областей, присоединенных к России в предшествовавшие царствования.

1. В 1822 г. 16 февраля постановлено относительно Финляндского и Польского дворянства: так как Финляндские дворяне при поступлении в русскую военную службу сравнены с русскими дворянами, то и Польских дворян принимать на военную службу, как и Русских.

2. Остзейское дворянство было совершенно сравнено в своих правах с русским дворянством.

3. При Александре началась разборка Грузинскому дворянству, для чего в Тифлисе повелено учредить дворянское депутатское собрание.

4. О магометанском и греческом дворянстве Таврической губернии говорит указ 1816 г. 17 апреля: «Разборка ему производится в Таврическом Дворянском Депутатском Собрании. Магометане не имеют других доказательств своего благородного происхождения, как показания сво-

их собратий, так как у них не было обыкновения давать письменные документы и грамоты на дворянство. Греки же имеют документы от Константинопольского патриарха или начальников русского флота».

Права дворянского сословия. Мы видели, как Павел I ограничил одни права, а другие совсем отменил. Александр I сейчас же по вступлении на престол спешил возратить дворянству все его права и привилегии.

2 апреля 1801 года император издал манифест о восстановлении Жалованной Дворянству Грамоты.

Не только личные права дворян, но и корпоративные права были восстановлены и расширены при Александре I.

1. Дворянство получило опять право выбирать чиновников в уездные и земские суды.

2. Дворянские собрания, а также дворяне в отдельности были опять поставлены вне зависимости от правительственных лиц.

3. Дворянские собрания, как юридические лица, имели право торговли.

Особенных перемен в царствование Императора Николая I не произошло и в начале царствования Александра II дворянство имело следующие привилегии: «оно одно имело право владеть крепостными людьми и заселенными недвижимыми имениями; оно одно имело право на государственную службу; имело влияние на суд и полицию. Оно избирало от себя членов и председателей в уездные суды, палаты Уголовного и Гражданского суда и совестные суды, также в Приказы Общественного Призрения; полиция тоже состояла из выборных от дворянства земских исправником и заседателей земского суда. Представители дворянства, дворянские предводители, участвовали во всех учреждаемых комиссиях, где были или председателями, или занимали первое после губернатора место. Сметы земских повинностей и раскладка, их по сословиям делалась дворянами. Все места государственного управления, также и все судебные места, кроме купеческих, были заняты или чиновниками из дворян, или чиновниками, дослужившимися уже до дворянства. Кроме того, дворяне имели все личные привилегии: были освобождены от всех личных податей и повинностей, рекрутской повинности, телесного наказания; судились только равными себе, могли быть лишены дворянского достоинства, жизни, чести, имения только по суду за преступления и не иначе как по решению Сената и Высочайшему утверждению».

При Императоре Александре II началось уравнение прав всех сословий и в настоящее время правами государственной службы пользуются все сословия, дворянство на государственные должности уже никого не избирает, сословные суды не существуют. В 1864 г. были введены всесословные земские учреждения, но представителям дво-

рянства было оставлено председательство в земских собраниях, как вообще во многих других учреждениях, и дворянство, потеряв все свои преимущества, сохранило свое влияние на местные дела — именно через своих предводителей, которые, несмотря на целый ряд реформ, направленный к уравниванию прав, все же сохранили свое влияние на дела в уездах; но это влияние основывается не на статьях закона, а на чисто нравственных началах, опирающихся на то доверие населения к предводителям дворянства, которое они сумели заслужить за время своей более вековой службы государству.

Двадцатый век застаёт дворянское сословие лишенным всяких привилегий, т. к. все остальные сословия пользуются всеми правами и даже имеют некоторые преимущества, так крестьянство при выборах в государственную думу имеет свою особую курию и выбор представителей от крестьян обязателен, также обязательно избрание представителей от рабочих, которые таким образом получили преимущество перед сословием, всегда считавшим службу государству своим неотъемлемым правом; правда, дворянство получило право избирать своих представителей в Государственный Совет, но этим правом пользуются и университет, и купечество, и земство, так что это право не может считаться особой привилегией.

Кроме того, крестьянство имеет и право приема в свою среду и исключение из нее, дворянство этим правом не пользуется, т. к. владение хотя бы одной десятиной земли дает право на запись в родословную книгу губерний, хотя бы дворянство и не желало бы этого, крестьянство избирает старшину, волостных судей и сельскую полицию, дворянство же ничего подобного не имеет, и только пока еще избранник дворянства, предводитель дворянства, продолжает стоять во главе уездных учреждений, но в предполагаемых реформах губернских учреждений ему на смену идет уездный начальник, назначаемый правительством, а предводителю дворянства, этому испытанному в течение почти 150 лет руководителю уездной жизни, предоставляется место в уездном совете. До сих пор институт предводителей дворянства стоял вне всякого упрека, хотя ему пришлось проводить в жизнь целый ряд величайших реформ, хотя бы указать реформу 1863 года, но несмотря на это, предполагается лишить его всякого значения в местной жизни и заменить его авторитет авторитетом исправника, изменив тому только наименование и, может быть, повысив класс должности. Насколько это будет хорошо — покажет будущее.

Л. М. Савелов.